

Артем Литовченко, Дмитрий Бойко, Татьяна Юрчик

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Символические инструменты воспроизводства и признания идеологии

Актуальность темы обусловлена ростом значимости идеологий по всему миру. Этот рост хорошо иллюстрируется активизацией идеологических движений и выступлений по всему миру, начиная от протестных акций движения «BLM» в США и массовых выступлений сторонников рэпера-коммуниста П. Аселя и заканчивая острыми проявлениями идеологической борьбы в Украине. Целью статьи является концептуализация символических инструментов воспроизводства и признания идеологии. Статья устраняет пробел в отношении социологического понимания инструментов воспроизводства и признания идеологии. Результаты работы авторов таковы: в статье охарактеризованы особенности функционирования идеологии в социальном пространстве. С помощью использования ранее разработанного авторами определения идеологии, обоснованы социологические возможности исследования воспроизводства и признания идеологии. Разработано авторское определение символических инструментов как преимущественно алгоритмизированных социальных средств воздействия на объекты и вещи с дальнейшей трансформацией их символического содержания. Описан принцип функционирования символических инструментов и их роль в утверждении идеологием и воспроизводстве соответствующего дискурса. Выводы исследования: воспроизводство и признание идеологии обеспечивается четырьмя основными символическими инструментами – номинацией, кодификацией, классификацией и стигматизацией. Механизм последовательного действия этих инструментов авторы иллюстрируют результатами проведенного в рамках норвежско-украинского исследовательского проекта ARDU критического дискурс-анализа кейса электорально обусловленного политического обострения в украинском политическом дискурсе в период парламентской гонки 2019 года. Дана условная схема этого процесса: вначале закрепляется смысл (используется номинация), затем – объект в структуре (кодификация), затем – атрибут (классификация), а затем – оценочный атрибут (стигматизация). Обоснованы перспективы дальнейших исследований таких форм применения символических инструментов, как натурализация, сакрализация, ретификация, (де)гуманизация.

Ключевые слова: идеология, символические инструменты, номинация, кодификация, классификация, стигматизация, дискурс-анализ

Artem Lytovchenko, Dmytro Boyko, Tetyana Yurchyk

V. N. Karazin Kharkiv National University

Symbolic Tools of Reproduction and Recognition of Ideology

The relevance of the article is due to the marked increase in the importance of ideologies in the socio-political and socio-cultural processes of different countries. The events of recent years (the protest wave of the American anti-racist movement BLM, which did not subside after the end of the presidential race in the United States; mass demonstrations of supporters of the rapper-communist P. Asel, who was arrested in Spain; regular large-scale actions of Ukrainian nationalist and ultranationalist groups) vividly illustrate the growth of ideologies as a factor in social life. The sociological study of ideology is often limited to a superficial description of the phenomenon; some works are characterized by the rejection of a deep study of the principles of the functioning of this phenomenon. We see a problem in this scientific approach, so we offer our own concept of ideology and of the mechanism of it functioning. The main purpose of our article is to conceptualize the symbolic tools of reproduction and the recognition of ideology as a social system of signs and actions (tools of ideological expansion of social space). The article contains the author's definition of the concept of symbolic tools as social means of influencing objects and things, which tend to be added into algorithms with a further transformation of their symbolic content. The results: four types of symbolic instruments have been identified: nomination, codification, classification and stigmatization. The peculiarity of each type of symbolic tools have been demonstrated by the example of the results of critical discourse analysis in the framework of the Norwegian-Ukrainian research project ARDU. The nomination ("official" and "nomination of personal opinion") endows the new object with a new symbol; the codification streamlines the application of the nomination by endowing the old object with a new symbol; the classification binds an object to a specific attribute by assigning an old symbol to the new object; the stigmatization is a negative and positive evaluative algorithm (old object-old symbol) that fixes a certain status. Conclusions: the four tools tend to be applied sequentially like the nested algorithm. The results of the effective application of such an algorithm have

been subsequently legitimized. Sustainable forms of application of the considered instruments are naturalization, sacralization, reification, (de)humanization; we consider analysis of these forms to be the main direction of further research.

Keywords: *ideology, symbolic instruments, nomination, codification, classification, stigmatization, discourse-analysis*

Артем Литовченко, Дмитро Бойко, Тетяна Юрчик

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна

Символічні інструменти відтворення та визнання ідеології

Актуальність обумовлено помітним зростанням значущості ідеологій у соціально-політичних та соціокультурних процесах різних країн. Події останніх років – протестна хвиля американського антирасистського руху BLM, що, всупереч прогнозам, не втихла після закінчення президентських перегонів у США; масові виступи прихильників заарештованого у Іспанії репера-комуніста П. Аселя; регулярні гучні акції українських націоналістичних та ультранационалістичних угруповань – яскраво ілюструють вказане зростання ідеологій як фактору соціального життя. Мета статті полягає у концептуалізації символічних інструментів відтворення та визнання ідеології як соціальної системи знаків та дій. Стаття надає відповідь на питання про те, яким чином й за допомогою чого ідеологія відтворюється, підтримує власний статус, а також, стійку позицію у суспільному просторі. Із використанням раніше розробленого авторами визначення ідеології обґрунтовано соціологічні можливості дослідження відтворення і визнання ідеології. Результати дослідження: символічні інструменти визначено як специфічні схеми відтворення ідеологічно значущих ідей, постулатів, дискурсів та практик. Як одну з головних особливостей символічних інструментів, розглянуто їхнє тяжіння до складання у алгоритми, за рахунок чого ефективність їхнього впливу зростає та набуває оболонкового характеру. Проілюстровано принцип дії кожного виду символічних інструментів на прикладі результатів критичного дискурс-аналізу, проведеного в межах норвезько-українського дослідницького проекту ARDU, та зосередженого на кейсі електорально обумовленого політичного загострення українського політичного дискурсу у період парламентських перегонів 2019 року. Висновки: символічні інструменти відтворення та визнання ідеології функціонують в межах чотирьох елементного механізму дії, що складається з номінації, кодифікації, класифікації та стигматизації. Дана умовна схема цього процесу: спочатку закріплюється сенс (використовується номінація), потім – об'єкт в структурі (кодифікація), потім атрибут (класифікація), а потім – оцінний атрибут (стигматизація). Обґрунтовано перспективи подальших досліджень таких форм застосування символічних інструментів, як натуралізація, сакралізація, реіфікація, (де)гуманізація.

Ключові слова: *ідеологія, символічні інструменти, номінація, кодифікація, класифікація, стигматизація, дискурс-аналіз*

Как и общество, идеология продвинулась вперёд, она формируется не как общественно необходимая видимость, следовательно, не как самостоятельное, которое легко разрушить, а существует в виде своего рода замазки, идеология — это ложное тождество субъекта и объекта

Теодор Адорно

Введение.

Эта статья продолжает тему, поднятую нами в статье «Ревизия социологического дискурса идеологии в дефинитивной перспективе» (Литовченко, Бойко, Юрчик, 2020). В ней мы, систематизировали и обобщили социологические концепции идеологии, выработали авторское определение и наметили некоторые перспективы дальнейшего социологического исследования идеологии.

Отметим, что прошедшее с момента публикации время, исторически незначимое, тем не менее, ещё больше актуализировало тематику нашего исследования. Протестные акции «BLM», продолжившиеся в США после инаугурации Д. Байдена; массовые выступления сторонников арестованного рэпера-коммуниста в Испании; обострение идеологической борьбы в Украине – всё это можно считать точечными иллюстрациями

роста значимости идеологий в современном мире. Тем более актуальным становится следующий шаг после полученного нами в предыдущей статье концептуального определения идеологии, а именно – исследование того, каким образом обеспечиваются развитие и распространение идеологии, её воспроизводство и признание.

Проблемная ситуация заключается в том, что указанные выше очевидные проявления всплесков «идеологического поведения» рефлексированы в публичных дискурсах как уличное насилие, хулиганство или «внутренний терроризм»; таким образом, восприятию масс предлагается фиксация разрозненных девиаций, за которыми не видна сама возможность идеологической подоплёки. Противоречие заключается в том, что рост вмешательства идеологий в процессы общественной жизни маскируется, а сами идеологии латентизируются. Их растворение и укоренение в общественном бытии и сознании обеспечивается за счёт латентных же инструментов, имеющих символическую природу. Взрывной рост информатизации социальных процессов, характерный для XXI столетия (и особенно для пандемического 2020 года) создаёт всё больше возможностей символической экспансии идеологии в самые разные поля социального пространства. Эта экспансия ведётся посредством публикации формально внеидеологических, но имплицитно содержащих идеологические элементы и меседжи материалов на интернет-площадках, в телевизионных программах, прессе, мемах и т.д. Онтологический аспект проблемы, таким образом, связан с усилением роли символических инструментов, используемых идеологиями в социально-политических процессах. Снижение критического потенциала общественного сознания (поскольку идеологемы и идеологические маркеры латентизированы, то и усваиваются на нерелексивуемом уровне), аффективная поляризация конкурентных групповых взглядов (за счёт насыщения публичных дискурсов бинарными идейными оппозициями) – лишь наиболее очевидные проявления онтологического аспекта. Гносеологический аспект проблемы заключается в том, что инструменты воспроизводства, распространения и признания идеологий

попадают в поле исследовательского зрения социологов спорадически, и, в итоге, системного, теоретически обоснованного и эмпирически применимого понимания их природы и механизма действия в социологии нет. Соответственно, цель данной статьи – концептуализация символических инструментов воспроизводства и признания идеологии как социальной системы.

Обзор исследований и степень разработанности проблемы. Большинство встречающихся научных работ, монографий и статей (П. Бурдьё, С. Жижек, В. Бурлачук и др.) по данной тематике основываются, в первую очередь, на искусственном вычленении отдельных характеристик и свойств этого явления и попытке, часто оценочной, их интерпретации. Нередко сам термин «идеология» применяется как самоочевидный, в узком, сугубо политическом, понимании – как, например, в эссе А. Бетеля «Социология и идеология», где идеология рассмотрена не как понимание и объяснение общества, а как обоснование политических действий по его, общества, изменению (Béteille, 2012). Наиболее ответственные зарубежные авторы, приведя обзор применимых в социальных науках определений идеологии, прямо отказываются давать какую-либо законченную формулировку по причине исторической обусловленности и дискурсивного характера идеологии: так поступает Рольф Петри в предисловии к своей книге «Короткая история западной идеологии» (Petri, 2018, p. 5). То же – и в большей степени – касается и отечественных работ по этой теме. В итоге мы, как правило, получаем обрывочные поверхностные суждения, не проясняющие ни сути идеологии, ни, тем более, характера механизмов инструментов её бытия. С другой стороны, традиция разведения идеологии и утопии, сложившаяся в мангеймианской социологии знания (напр., Dubois, 2015), сосредоточена скорее на сциентистской критике идеологии (усугублённой не всегда корректной интерпретацией марксовского подхода к идеологии), что также не способствует полноте понимания идеологии. Причина такого положения дел – сложность идеологии как предмета исследования, а также, провокационный потенциал этой перегруженной оценками темы (о чём

упоминают, например, Sarkowsky & Stein, 2021, pp. 1-14); результат – отсутствие завершённой социологической концепции идеологии и системных представлений о её воспроизводстве и признании. С другой стороны, нельзя в очередной раз не отметить и традицию отечественного социологического дискурса игнорировать идеологию даже в случаях очевидной необходимости включать её в рассмотрение. Так, в коллективной монографии ИС НАНУ «Соціологічні виміри громадянського суспільства в Україні» (Резнік та ін., 2019) предсказуемо нашлось место для категорий ценностей, гражданственности, политической культуры, идентичности и даже для «ментальности» (там же, с. 189-195), но не для идеологии. При этом, даже социологические материалы, предметом которых является идеология, отражают эту категорию как самоочевидную. Такова, например, статья М. Мищенко с многообещающим названием «Идеологии и смысл жизни», которая, хоть и начинается с исторического портрета советского философа Эвальда Ильенкова, но, помимо ряда далёких от социологической аргументации штампов и постулатов, не содержит ничего похожего, хотя бы на попытки научного анализа идеологии и её инструментов (Мищенко, 2020). Куда более содержательными оказываются работы, посвящённые повседневному уровню существования идеологий, как статья Е. Билоуса «К вопросу о сущности повседневных идеологических представлений» (Билоус, 2017); это не удивительно, если учитывать солидный фундамент исследования повседневных идеологий, заложенный в украинской социологии И. Поповой; однако, для исчерпывающего ответа на вопрос об инструментах воспроизводства и признания идеологий успешных исследований одного лишь повседневного уровня существования идеологий недостаточно.

Результаты исследования.

Мы рассматриваем идеологию как систематизированное единство суждений и практик, которое закрепляет безальтернативность первых и декларирует инвариантность последних (Литовченко, Бойко, Юрчик, 2020, с. 54). Идеологическая деятельность тесно связана с систематизацией и структурированием символов (поскольку соединяет бессистемные элементы в цельный

комплекс идей подобного характера). Символы, в отличие от обычных знаков, безразличных к содержанию как таковому, содержат силу, высвобождающуюся в моменты общественных потрясений (Бурлачук, 2002, с. 111), являются инструментами социальной интеграции, общения и познания (Бурдые, 2007, с. 91).

Идеологические символы так же, как и символы в целом (Бурлачук, 2002, с. 112), делят мир на потусторонний и посюсторонний, однако специфическим образом: потусторонним миром выступают иные идеологии и их приверженцы (ярко негативизируемые), а посюсторонним – собственно данная идеология (всегда окрашенная позитивно). Таким образом, особенностью идеологических символов является их оценочная функция, которая сплачивает идеологическую общность изнутри за счёт формирования условно «непризнаваемой» стороны – других идеологий. В процессе идеологической деятельности накопленная в социальной группе ненависть и насильственные порывы переносятся на ту самую «непризнаваемую» сторону.

Идеология насильно ограничивает носителей идеологического сознания, практически не оставляя места для их собственных идей и аргументации: ограничение некоторых социальных групп и индивидов, их гнёт объясняется, оправдывается и закрепляется идеологией, которая, оперируя бинарными оппозициями, «распределяет» группы на предпочтительные и нежелательные. В этом смысле, легитимирующий потенциал идеологии как способности достижения совпадения представлений о необходимом порядке, существующих в сознании сторонников, с той версией порядка, который воплощён конкретной идеологией, обладает оболочечным характером по отношению к символическим инструментам воспроизводства и признания идеологии. Потому на данном этапе достаточно обозначить то, что мы придерживаемся общего инструментального понимания легитимации в категориях социального конструктивизма (подробнее см. Бойко, 2019, с. 93-95) и сосредоточить внимание на «проникновении внутрь оболочки», то есть,

анализе тех символических инструментов, результаты применения которых впоследствии легитимируются.

Символические инструменты являются формой символического влияния и используются для накопления символического капитала/признания. Под символическими инструментами мы подразумеваем тяготеющие к сложению в алгоритмы социальные средства воздействия на объекты и вещи с дальнейшей трансформацией их символического содержания; с их помощью осуществляется управление идеологическими процессами и процессами в отношении идеологии. Они сами по себе пассивны, однако, приобретают собственную уникальность и специфику в момент использования их различными идеологиями: именно тогда символические инструменты обретают особый метод применения, ракурс подачи и способ действия за счет разницы в ценностно-идейном окрасе. Признание, на которое, в частности, направлено применение символических инструментов, имеет разные трактовки. Согласно П. Бурдьё и его последователям, признание – это символический капитал, который представляет собой все то, что нельзя купить (Салтанов, 2010, с. 18). Как указывает сам Бурдьё, оно может быть диффузным («завязанным» на коллективном признании) и объективированным (т.е., гарантированным государством). Несколько иное мнение относительно сущности признания выражает А. Хоннет, который выделяет два уровня: повседневный (уважение, слава) и правовой (имеет декларируемый оценочный характер) (Михайлов, 2012, с. 83-85). Однако, подобные интерпретации не могут быть применены к обширному явлению идеологии, поскольку оба социолога рассматривают признание как существующее социальное одобрение, направленное отдельно на конкретного человека, сообщество или вещи (к которым идеология по своему существу не сводится, она лишь может воплощаться в них). Измеряют это признание, которое считают результатом социальной деятельности, уровнем «символической эффективности» (Бурдьё, 2007, с. 84). Последняя, в свою очередь, является коэффициентом функциональной встроенности в общественную структуру путем признания агента/сообщества/вещи

важной/необходимой/ценной социальной единицей. Действительно, воспроизведение идеологии в обществе также является результатом признания, неотъемлемо связанного с идеями, нормами и ценностями, которые воспроизводятся в практической деятельности, но, в большинстве, остаются неочевидными; а потому это признание несколько иного порядка. Стоит прояснить, что мы в исследовательских целях искусственно разделяем «очевидное» признание идеологии, которое декларируется государственными и правовыми институтами, а также конституируется законами, нормативно-правовыми актами, непосредственно конституциями и т. д., и «неочевидное» признание, которое (не) осознанно воспроизводится в повседневной практической деятельности людей, их образцах поведения и моральных, ценностных, идейных установках, направляющих их практики; необязательно может быть закреплено на государственно-правовом уровне. Конечно, существует достаточно примеров симбиоза двух видов признания (СССР, Китай, Куба, Третий Рейх и пр.), однако, большинство этих примеров не являются типичными для современной реальности в её спутанном, формально (законодательно) «неидеологическом» характере. Однозначно можно утверждать, что признание – это согласие не с самим фактом существования феномена, а с правомочностью, обоснованностью, приемлемостью этого факта.

Другой факт – факт «неочевидности» идеологии – дает нам основания отметить, что отследить символическую «эффективность» признания невозможно хотя бы потому, что часто идеология существует независимо от осознания её укоренения в структуре мышления носителя данной идеологии, а потому, фиксирование уровня встроенности идеологии в общественную структуру существенно усложняется. Мы предполагаем, что признание идеологии зависит от уровня оценки человеком или группой собственной социальной позиции, но, вместе с тем, определяется практикой, базируется на «реалистичности». Метафора «реалистичности», в данном случае, указывает на незнание о самом факте существования и функционирования идеологии (в частности,

«привычность» угнетения: внедрённые в сознание постулаты настолько укореняются, что начинают казаться естественными и безальтернативными), о применении ею алгоритмов символических инструментов, а также, о личном воспроизведении индивидом/сообществами идеологических суждений и соответствующих практик. Социальное признание идеологии проявляется, в том числе, в её «неузнаваемости» в процессе практической деятельности теми, кто действует в поле этой идеологии. То есть, не зная о власти идеологии над нами, мы не только не освобождаемся от её воздействия, но и, что не менее важно, последовательно воспроизводим её посредством практической деятельности, базирующейся на «незаметной» для нас идеологии.

Для изучения признания идеологии предлагаем использовать оптику символически-инструментальных процессов, ранее успешно применяемую нами для других объектов исследования: определять символические инструменты в категориях номинации, кодификации, классификации и стигматизации (Бойко, 2019, с. 98). В отличие от предыдущих изысканий, сейчас их уместно интерпретировать не как независимые категории, а как неизбежно связанные, этапные алгоритмы признания идеологии. Они воплощают последовательный процесс закрепления: номинация – кодификация – классификация – стигматизация. Так, номинация закрепляет конкретный смысл, кодификация – сам объект в структуре, классификация – определенный атрибут, а стигматизация закрепляет оценочный атрибут.

Проработку и прояснение данных категорий предлагаем одновременно совместить с эмпирическими иллюстрациями процессов идеологической борьбы, основываясь на результатах критического дискурс-анализа в рамках норвежско-украинского исследовательского проекта ARDU (который реализовывался в т. ч. авторами этой статьи). Иллюстративный материал концептуализации будет сосредоточен на кейсе обострения идеологического противостояния в публично-политическом дискурсе Украины летом 2019 года (в период парламентской гонки), но отметим, что сами идеологические

конструкты за неполные два года слабо изменились, не говоря уже о стабильности принципа структурировании идеологических процессов символической борьбы.

Главной целью символической борьбы является завладение правом на монопольную легитимную номинацию и установление своей власти над ситуацией, о чём П. Бурдьё говорил так: «Номинация или назначения в конце представляет собой очень таинственное действие, логика которого очень близка к логике магии» (Бурдьё, 2007, с. 240). И действительно, успех номинации напрямую зависит от символического капитала: номинация – это символический инструмент, с помощью которого новое явление наделяют именем, «собственным» символом. Так, номинацию можно условно разделить на «официальную» и «номинацию личного мнения». «Официальная» номинация – это действие символического характера, которое имеет коллективный характер и достигается путем общественного согласия, которое обеспечивается властными ресурсами государства – ведь именно оно обладает правом на «официальную» номинацию. «Номинация личного мнения» – это символическое воздействие отдельных агентов, которые самостоятельно, всеми силами пытаются распространить и/или навязать личное мнение и точку зрения (Бурдьё, 1993, с. 72). Успех номинации (и одновременно ее цель) воплощается во всеобщей приемлемости.

Иллюстрацией номинации в контексте рассматриваемого кейса мы считаем такие слова и сочетания, как «сепаратисты», «пророссийские наёмники/агенты», «уличные нацисты»; каждое из них обозначает новый для украинской реальности объект новым для украинского политического дискурса символом (к таковым мы относим и «сепаратистов», поскольку до 2014 года это слово не только крайне редко применялось ко внутриукраинским акторам, но и никогда не применялось по отношению к многочисленным группам и целым регионам). Показательным можно считать то, что первые две номинации широко представлены в условно «патриотическом» дискурсе (ТСН, официальная пресса, «Европейская Солидарность», «Батькивщина», «Голос», П. Порошенко, Ю. Тимошенко, А. Парубий), но, при этом, отсутствуют в нейтральном

и условно «оппозиционном» дискурсах (лишь единожды в исследованном массиве слово «сепаратисты» было в саркастическом ключе использовано А. Шарием); номинация же «уличные нацисты» используется по отношению к парамилитарным ультраправым группам исключительно в дискурсе лидеров ОПЗЖ и уже упомянутого А. Шария. Это легко обнаруживаемое противопоставление добавляет уверенности в том, что мы имеем дело с использованием идеологического инструмента символической борьбы за номинацию «нового» социального объекта.

Вторичным по отношению к номинации символическим инструментом является кодификация, используемая с целью преодоления неточности, размытости (с которой практически всегда сталкиваются в контексте номинации). Кодификация закрепляет результат номинации путем установления четких границ и придания формы, упорядочивает реализуемые на практике номинации. Это означает предоставление практическому действию общественно одобренную видимость и позволяет поддерживать условную статичность, неизменность и стабильность практики, то есть, в целом контролировать практическую деятельность общества (Бурдые, 1994, с. 41-43). В результате этой операции единицы кодификации становятся предельно понятными и однозначными; в основе этого лежит не столько потребность в новой номинации, сколько острая необходимость изменить старую. Кодификация – это символический инструмент, с помощью которого происходит переименование уже существующей номинации.

Иллюстрация кодификации – использование словосочетаний «пророссийские реваншисты», «страна-агрессор» и т.п. Оба словосочетания широко используются в условном «патриотическом» дискурсе (см. выше), при этом применяются для обозначения старых объектов. Российскую Федерацию номинируют «страной-агрессором» (новый символ), упорядочивая таким образом весь процесс номинации соседнего государства. При этом нейтральные номинации («Россия», «РФ») минимизируются, а вот позитивизирующие номинации («братская страна») вытесняются полностью. Слова «пророссийские

реваншисты» применяются по отношению к такому привычному для украинской политической действительности объекту, как политические силы и (электоральные) группы, ориентирующиеся на поддержание партнёрских экономических, политических и культурных отношений с Россией вплоть до вступления в ЕврАзЭС и Таможенный союз. Эти силы и группы существовали с момента распада СССР, однако, номинация с ядром «реваншисты» является новой для их обозначения. Схема упорядочения процесса номинации аналогична описанной выше, с той лишь разницей, что уже вытесняются нейтральные номинации («ориентированные на Россию», «выступающие за интеграцию с РФ» и т.д.), поскольку, позитивизирующие номинации по отношению к этим группам в украинском политическом дискурсе парадоксальным образом были маргинализированы ещё до 2014 года.

Третья степень использования символических инструментов обозначается нами как классификация, она отличается от двух предыдущих, во-первых, тем, что направлена на конкретные атрибуты, к которым и «привязывает» явление. Во-вторых, классификацию применяют для того, чтобы систематизировать мнения относительно общественного положения, то есть, обычно она выполняет организационную функцию. Как отмечал П. Бурдые, явление можно классифицировать при «владении кодом» (Бурдые, 2007, с. 75), то есть, перед применением алгоритма классификации явление необходимо кодифицировать. Когда в процессе кодификации мы устанавливаем четкие границы и отвергаем неоднозначные положения, то «подогнать» условно новое явление под уже известный концепт гораздо легче. А неизвестное (новое) явление, как правило, вызывает напряжение в обществе, преодолеть которое можно именно путем классификации. Мы, опираясь на работы А. Грамши, выдвигаем следующее предположение: для объяснения смысла нового объекта необходимо сопоставить его с устойчивым символическим конструктом, который определен соответствующим культурным пространством, что помогает уточнить границы и предотвратить «гибель» объекта (Грамши, 1991, с. 75). П. Бурдые же указывает на то, что невозможно осуществлять

классификацию и, при этом, не вести борьбу за нее. Мы можем сделать вывод, что борьба за право на классификацию идет постоянно; при этом механизм классификации направлен от конкретных объектов, явлений к общим положениям (Бойко, 2019, с. 100-101). Таким образом, классификация – это символический инструмент, с помощью которого новое явление наделяют старым символом. Классификация, в свою очередь, еще больше конкретизирует символическое положение объекта. Как отмечает Бурлачук, очевидно, что главным принципом классификации является разделение, которое и является условием упорядочивания мира посредством этого символического инструмента (Бурлачук, 2002, с. 175). Логично, что не все социальные группы принимают установленную социальную классификацию, а потому, идеология стремится ко всеобщему признанию с целью закрепления собственной версии разделения объектов, поскольку лишь таким способом станет возможным проведение соответствующего курса.

Классификацию, на наш взгляд, хорошо иллюстрирует такой набор элементов условно «патриотического» дискурса, зафиксированных нами в том же исследовании, как «террористы», «боевики», «ветераны», – и его условно «оппозиционная» альтернатива: «фашисты», «нацисты». Новые объекты – участники боевых столкновений на Донбассе (с обеих сторон) – обозначаются старыми символами, при помощи которых каждая обозначаемая группа привязывается к конкретному атрибуту. Так, именование представителей различных вооружённых соединений непризнанных «ЛДНР» «террористами» и «боевиками» фиксирует в качестве их основного атрибута использование недопустимых (неконвенциональных) средств борьбы – и одновременно отражает нежелание признавать их военными противниками. В итоге классификации происходит вытеснение иных номинаций, которое переводит «нежелание признавать» в «невозможность признавать». Используемый по отношению к новому объекту (участники АТО и ООС) старый символ («ветераны») закрепляет за ним атрибут подвига, благодаря типичной для постсоветского дискурсивного пространства коннотации. В противовес этому классификация в условно «оппозиционном»

дискурсе по отношению к тем же объектам осуществляется с противоположным атрибутированием: старые символы «фашисты» и «нацисты» имеют опять же типичную легко распознаваемую коннотацию «преступления против человечности», которая, в этом случае, закрепляется прежде всего за членами добровольческих батальонов и полков, а после – и за всеми вооружёнными соединениями Украины на Донбассе.

Наиболее сложным и капиталоемким символическим инструментом является стигматизация – средство оперирования «оценочными» символами, подразумевающее стремление к максимальной однозначности тезиса. Сама стигматизация, в первую очередь, не столько указывает на определенное отклонение, сколько закрепляет конкретный социальный статус (Goffman, 1963). И. Гофман подмечает, что стигматизация направлена на фиксацию именно «неприемлемости» как антитезиса «допустимости» в общественной жизни; мы же считаем уместным рассматривать стигматизацию не как сугубо негативное явление, а дополнить её возможностью положительной характеристики; однако, в любом случае стигматизация сохраняет оценочный характер. Так, стигматизация в контексте идеологии в определённых условиях апеллирует к постыдности, что связано с важностью роли бинарных оппозиций в системе идеологии (т.о., идеологическое понимание явлений как «хорошее-плохое» стимулирует восприятие «плохого» как постыдного) и существует для перенаправления негативных социальных настроений и чувств на отдельные объекты.

По уровням стигматизацию условно разделяют на, во-первых, связанную с физическими или ментальными атрибутами («недостатками», которые проявляются на индивидуальном уровне), и, во-вторых, групповую стигматизацию, которая делает акцент на социальные группы, накладывает определенный оценочный оттенок, например, на религиозные или этнические сообщества и др.; именно групповая стигматизация является наиболее актуальной при изучении идеологий.

Как символический инструмент, стигматизация наделяет «старый» объект «старой» номинацией (Бойко, 2019, с.

101), причем для объекта (и только для него) номинация является новой. То есть, уже существующий и привязанный к некой номинации объект становится стигматизированным при помощи некоего символа; этот символ не был создан для этого объекта, а потому, новой эта стигма является лишь для самого объекта. Процесс стигматизации не может проходить относительно неопознанного нового объекта, поскольку она направлена на изменение его статуса, а не конструирование его из ничего. Отсюда следует сложность применения стигматизации как идеологического инструмента: нужна не (с)только способность навязать новую, сколько заместить существующие номинации, коды и классификации со «знакового» объекта.

Логично, что проиллюстрировать стигматизацию – симметрично самая сложная задача: её можно усмотреть в активном использовании условно «патриотическим» дискурсивным сообществом таких словосочетаний, как «пятая колонна» и «защитники Украины». Первое – символ, безусловно, старый, отсылающий к риторической символизации периода гражданской войны в Испании, но давно расширенный до обозначения любой поддержки гражданами одного государства, выказываемой адрес формально враждебного государства. В нашем случае этот старый символ применяется к старому же объекту – уже упомянутым сторонникам всестороннего сотрудничества и интеграции с РФ, закрепляя за ними негативную, дискредитирующую стигму. Обратная, позитивная стигма закрепляется за старым объектом – ультраправыми парамилитарными отрядами (действующими на украинской территории ещё с начала девяностых годов прошлого века) при помощи старого же символа – «защитники Украины». Показательно, что не обнаруживаются условно «оппозиционные» стигмы в публично-политическом дискурсе: если для распространения альтернативы «официальным» номинаций, кодов и классификаций у «оппозиционных» участников дискурса достаточно символического капитала, то, в случае со стигматизацией, налицо монополизация «официального» потока «патриотическим».

Выводы.

В современных глобализационных условиях идеологическая символическая и материальная деятельность (ре)транслируется на интернет-платформах, телевидении, радиовещании, газетах, журналах и пр. во всё возрастающих объемах, тем самым задавая конкретные установки, маркеры, идеологемы и образцы поведения всё большему количеству людей и социальных групп. Происходит это с использованием символических инструментов – преимущественно алгоритмических социальных средств трансформации символического содержания объектов и вещей. Идеология, стремясь к воспроизведению, распространению и признанию (достижению согласия социального большинства с приемлемостью существования идеологии), использует символические инструменты, эффективность которых повышается с распространением идеологии.

Мы выделили четыре символических инструмента: номинацию («официальную» и «номинацию личного мнения») – наделение нового объекта новым символом; кодификацию – упорядочение применения номинации путём наделения старого объекта новым символом; классификацию – привязывание объекта к конкретному атрибуту посредством присвоения новому объекту старого символа; стигматизацию – универсальный (и отрицательный, и положительный) оценочный алгоритм (старый объект-старый символ), который фиксирует определенный статус. Их мы рассмотрели как последовательный процесс закрепления сначала смысла (номинация), затем объекта в структуре (кодификация), затем атрибута (классификация), а затем – оценочного атрибута (стигматизация).

С помощью этих символических инструментов производится идеологическая экспансия в социальное пространство – в частности, идеология зачастую (вос)производит атаку на старые символы с помощью перечисленных символических инструментов. Эту экспансию мы проиллюстрировали отдельными результатами критического дискурса-анализа политического дискурса участников парламентской гонки 2019 года (кейс электорально обусловленного

идеологического обострения оказался не только весьма ярким, но и долгосрочно значимым: идеологические конструкты за прошедшее время слабо изменились). Отметим, что критический дискурс-анализ представляется нам перспективным методологическим подходом для эмпирического исследования заявленной тематики символических инструментов воспроизводства и признания идеологии.

Зафиксированная нами экспансия имеет уникальный характер в каждом

отдельном случае, поскольку, каждая идеология применяет символические инструменты по-своему, приспособлявая «под свои нужды». Однако, можно обозначить относительно устойчивые формы идеологического применения символических инструментов (натурализация, сакрализация, ретификация, (де)гуманизация и т.п.), в углублённом исследовании которых мы видим основные перспективы дальнейших исследований этой темы.

БІБЛІОГРАФІЯ

- Білоус, Є.В. (2017). До питання про сутність повсякденних ідеологічних уявлень. Український соціум. № 3 (62). с. 33–44. URL: https://ukr-socium.org.ua/wp-content/uploads/2017/07/33-44_no-3_vol-62_2017_UKR.pdf
- Бойко, Д.М. (2019). Речі в інструментарії символічного насильства в постсучасному суспільстві: дис. ... канд. соціол. наук: 22.00.01 / Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна. Харків. 223 с.
- Бурдьє, П. (1993) Социология политики / пер. с франц. Н.А. Шматко, Москва: Socio-Logos. 336 с.
- Бурдьє, П. (1994) Кодификация. В: Начала. Choses dites: Пер. с фр. Шматко Н.А. М.: Socio-Logos. 288 с. URL: <http://bourdieu.name/content/kodifikacija>
- Бурдьє, П. (2007). Социология социального пространства : пер. с франц. Н.А. Шматко. Москва, Санкт-Петербург. 288 с.
- Бурлачук, В.Ф. (2002). Символ и власть: роль символических структур в построении картины социального мира. Киев. 266 с.
- Грамши, А. (1991). Тюремные тетради: перевод с итал. Г.П. Смирнова и др. Москва. 560 с.
- Кутуєв, П.В. (2012). Идеология либерализма: между мифом и политэкономическими рецептами. Вісник НТУУ "КПІ". Політологія. Соціологія. Право: збірник наукових праць. № 1 (13). С. 33–37 https://ela.kpi.ua/bitstream/123456789/3276/1/06_kutuev_pv_liberal_ideology.pdf
- Кутуєв, П.В. (2003). Соціологія та ідеологія в соціологічному дискурсі: випадок Андре Гундера Франка. Наукові записки. Збірник. К.: Інститут політичних і етнонаціональних досліджень НАН України. Вип. 24. С. 146–158
- Кутуєв, П.В. (2016). Трансформації модерну: інституції, ідеї, ідеології. Херсон: ВД «Гельветіка». 516 с.
- Литовченко, А., Бойко, Д., Юрчик, Т. (2020). Ревізія соціологічного дискурсу ідеології в дефінітивній перспективі. Соціологічні студії, 1 (16), с. 46–56. DOI: <https://doi.org/10.29038/2306-3971-2020-01-46-56>
- Михайлов, И.А. (2012). «Борьба за признание» в социально-критической теории А. Хоннета. В: Западная философия конца XX – начала XXI века. Идеи. Проблемы. Тенденции: научное издание / ред. И. И. Блауберг. Москва. С. 64–102
- Мищенко, М. (2020). Ідеології та сенс життя. Разумков Центр. 15.06.20 URL: <https://razumkov.org.ua/statti/ideologii-ta-sens-zhyttia>
- Резнік, О. та ін. (2019). Соціологічні виміри громадянського суспільства в Україні / за наук. ред. О. Резніка. Київ: Інститут соціології НАН України. 288 с.
- Салтанов, М.В. (2010). «Визнання» як фактор «усуспільнення» у сучасній практичній філософії. Вісник ХНУ імені Каразіна. Серія філософія. Філософські перипетії. № 917. С. 16–24
- Béteille, André (2012). Sociology and Ideology. In: Democracy and Its Institutions. New Dehli: Oxford University Press. 228 p. DOI:10.1093/acprof:oso/9780198080961.001.0001
- Dubois, Michel (2015). Sociology of Ideology. International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. 2nd Edition. Ed. James D. Wright. Elsevier, <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.32069-4>
- Goffman, Erwin (1963). Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity: New York : Prentice-Hall. 153 p.
- Petri, Rolf (2018). Introduction. In: The Short History of Western Ideology. A Critical Account. Bloomsbury. 256 p.
- Sarkowsky, Katja and Stein, Mark, U. (2021). Ideology in Postcolonial Texts and Contexts — an Introduction. In: Ideology in postcolonial texts and contexts / ed. by Katja Sarkowsky and Mark U. Stein. Leiden; Boston : Brill Rodopi. pp. 1–14

REFERENCES

- Béteille, André (2012). *Sociology and Ideology*. In: *Democracy and Its Institutions*. New Dehli: Oxford University Press. 228 p. DOI:10.1093/acprof:oso/9780198080961.001.0001
- Bilous, Ye. V. (2017). On the question of the essence of everyday ideological ideas. *Ukrainian society*. № 3 (62). pp. 33–44. Retrieved from https://ukr-socium.org.ua/wp-content/uploads/2017/07/33-44__no-3__vol-62__2017__UKR.pdf
- Boiko, D.M. (2019). *Things in the tools of symbolic violence in postmodern society: dissertation paper on PhD in Sociology*: 22.00.01 / V. N. Karazin Kharkiv National University. Kharkiv. 223 p.
- Bourdieu, P. (1993) *Sociology of politics* / trans. from French N. A. Shmatko, M. : Socio-Logos. 336 p.
- Bourdieu, P. (1994) *Codification*. In: *Beginnings. Choses dites*: trans. from French N. A. Shmatko. M.: Socio-Logos. 288 p. Retrieved from <http://bourdieu.name/content/kodifikacija>
- Bourdieu, P. (2007). *Sociology of social space*: trans. from French N. A. Shmatko. Moscow, Saint Petersburg. 288 p.
- Burlachuk, V.F. (2002). *Symbol and power: the role of symbolic structures in building a picture of the social world*. Kyiv. 266 c.
- Dubois, Michel (2015). *Sociology of Ideology*. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. 2nd Edition. Ed. James D. Wright. Elsevier. Retrieved from <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.32069-4>
- Goffman, E. (1963). *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*: New York : Prentice-Hall. P. 2
- Gramsci, A. (1991). *The Prison Notebooks*.: translation from Italian. G.P. Smirnov and others. Moscow. 560 p.
- Katja Sarkowsky and Mark, U. Stein (2021). *Ideology in Postcolonial Texts and Contexts — an Introduction*. In: *Ideology in postcolonial texts and contexts* / ed. by Katja Sarkowsky and Mark U. Stein. Leiden ; Boston : Brill Rodopi. pp. 1-14
- Kutuev, P.V. (2003). *Sociology and ideology in sociological discourse: the case of Andre Gunder Frank*. *Scientifical papers. Collection. K.*: Institute of Political and Ethnonational Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine. Vol. 24. p. 146–158
- Kutuev, P.V. (2012). *The ideology of liberalism: between myth and political economy recipes*. *Visnyk NTTU “KPI”*. Political science. Sociology. Law. № 1 (13). pp. 33–37. Retrieved from https://ela.kpi.ua/bitstream/123456789/3276/1/06_kutuev_pv_liberal_ideology.pdf
- Kutuev, P.V. (2016). *Transformations of modernism: institutions, ideas, ideologies*. Kherson: “Helvetica”. 516 p.
- Lytovchenko, A., Boyko, D., Yurchyk T. (2020). Revision of the Sociological Discourse of Ideology in a Definitive Perspective. *Sociological Studies*, 1 (16), c. 46–56. <https://doi.org/10.29038/2306-3971-2020-01-46-56>
- Mikhaylov, I.A. (2012). "Struggle for recognition" in the social-critical theory of A. Honneth. In: *Western philosophy of the late XX - early XXI century. Ideas. Problems. Trends*: / ed. I. I. Blawberg. Moscow. pp. 64-102
- Mischenko, M. (2020). *Ideologies and meaning of life*. Razumkov Center. 15.06.20. Retrieved from <https://razumkov.org.ua/statti/ideologii-ta-sens-zhyttia>
- Petri, Rolf (2018). *Introduction*. In: *The Short History of Western Ideology. A Critical Account*. Bloomsbury. 256 p.
- Reznik, O. and others (2019). *Sociological dimensions of civil society in Ukraine* / ed. O. Reznik. Kyiv: Institute of Sociology of National Academy of Sciences of Ukraine. 288 p.
- Saltanov, M.V. (2010). "Recognition" as a factor of "socialization" in modern practical philosophy. *Bulletin of V. N. Karazin Kharkiv National University. Philosophy series. Philosophical vicissitudes*. № 917. pp. 16-21

Lytovchenko Artem

PhD in Sociology, Assoc. Prof. <https://orcid.org/0000-0002-1439-5213>, a.d.litovchenko@karazin.ua

Boyko Dmytro

PhD in Sociology, Senior Lecturer, <https://orcid.org/0000-0003-3425-8555>, d.m.boiko@karazin.ua

Yurchyk Tetyana

Student, <https://orcid.org/0000-0002-9121-3292>, xa12283262@student.karazin.ua

Стаття надійшла / Article arrived: 15.04.2021

Схвалено до друку / Accepted: 29.05.2021